

ФИГУРАНТ

Сорокапятилетний Валерий Иванович Брусникин, человек с двумя высшими образованиями, за своё неумение жить получал по шапке от судьбы уже не однажды. Последний раз его скушали с должности начальника предприятия, где он, обладая возможностями, и сам не имел, и другим не давал. Тогда, будучи автолюбителем с многолетним стажем, Валерий Иванович начал искать работу по техническому профилю и вскоре удача улыбнулась ему. Знакомые его знакомых порекомендовали хорошего честного человека заместителю мэра города в качестве водителя служебной машины. Таковую срочную вакансию заполнил Валерий Брусникин, чья скромность, интеллигентность и профессионализм пришлись по душе его новому высокому начальнику.

Когда заместитель мэра дождался своего часа и занял место главы города, он оставил при себе прежнего водителя. Таким образом, Валерий Иванович теперь значился автоперсоной номер один небольшого провинциального города. Чистая непыльная работа, хорошая зарплата, отблески почёта и уважения, распространяющиеся и на шофёра первого лица, – что человеку ещё нужно для комфортного существования?

Однако некоторым характерам несвойственно долго мириться с благоприятными условиями

своей жизни. Они начинают искать трудности и обязательно находят их.

У Валерия Ивановича была своя болевая точка: его совершенно не устраивало качество дорог родного города.

61 Справедливости ради надо согласиться, что их состояние и в самом деле было удручающе-печальным. Автолюбители и автопрофессионалы, трясясь на городских ухабах, ругались непотребными словами по всем адресам ответственного начальства.

Среди многочисленных городских рытвин особенно выделялась одна своей шириной, глубиной и наглостью, с которой она располагалась на центральном проспекте двадцатитысячного населённого пункта. Здесь нередко случались аварии, так как некоторые водители, маневрируя на опасном участке, как говорится, лавировали-лавировали, да не вылавировали. Это было проклятое место, которого чуралась вся шофёрская братия. Легковой автомобиль, случайно угодивший в эту яму, без посторонней помощи вовек бы не смог из неё выбраться.

Валерий Иванович от души порадовался, когда его начальник стал ещё большим начальником. Уж теперь наконец-то власти займутся городскими дорогами, которыми никто не занимался уже целую историческую эпоху.

Когда он в первый раз намекнул об этом Михаилу Александровичу, сидевшему на заднем сиденье служебного джипа, новый мэр отреагировал на глас народа легко и непринуждённо. Он ответил, что процесс в стране идёт, что из двух главных проблем России на сегодняшний день остались только дороги и что всё сразу не делается.

На повторное обращение своего водителя к этой же теме Михаил Александрович отозвался уже более сдержанно и без улыбки. Он сказал, что нужно запастись терпением и не торопить события. Всё приходит вовремя к тому, кто умеет ждать.

Честно прождав около года и не дождавшись никакого результата, Валерий Иванович, пользуясь своим служебным положением, закинул ту же удочку в третий раз. Недовольный Михаил Александрович демонстративно промолчал.

Однако летом, тем не менее, за дороги взялись. Правда, взялись за них как-то очень по-нашему. Вместо того чтобы заново покрыть асфальтом заезженные до дыр городские улицы, их решили просто запломбировать. Слегка пристукнутые лопатами, многочисленные чёрные пломбы теперь превратились в выпуклости и всё так же трясли проезжающие по ним автомобили. Ко всему прочему, перезимовав, экономно склеенный битумом щебень начал выкрашиваться под воздействием морозов, автомобильной нагрузки и, самое главное, фантастически-халтурного качества проделанной ремонтной работы. Словом, нагрывший май месяц огорчил горожан до боли знакомыми открывшимися дорожными ранами.

Валерий Иванович уже не заговаривал с начальником на злополучную тему, потеряв веру в справедливость...

В начале июня город ждал визита губернатора. В связи с этим событием на улицах закипела срочная генеральная уборка. Правда, ограничилась она только историческим центром, где располагались здания городской и районной администрации, но зато на загляденье заасфальтировали улицу, по которой предполагался маршрут движения высокого гостя. Вся прочая часть города осталась при своих, в том числе и проспект Весенний, где находилась та самая яма-чемпион. Размытая и раздрызганная, она опять устрашающе зияла на дороге.

В назначенный день губернатор прибывал из краевого центра на вертолёте. С самого утра Михаил Александрович неоднократно инструктировал начальника ГИБДД о географии следования мэровского джипа, в котором и будет на-

ходить губернатор. С шофёром служебной машины Брусникиным так же была проведена машответствующая работа. От взлётно-посадочной площадки на окраине города автокортеж должен был держаться улицы Дружбы, после чего повернуть у центрального банка и через квартал остановиться у здания городской мэрии. Так как улица Дружбы была соответствующе подготовлена к предстоящему мероприятию, то никаких форс-мажоров маршрут движения в принципе не предполагал...

И только когда служебный джип с находящимися в его салоне губернатором края и мэром города вдруг при въезде в город свернул в сторону с новенькой чёрной ленты асфальта, Михаил Александрович откровенно забеспокоился.

– Валерий Иванович, – тревожно обратился он к водителю. – Почему не выдерживаем маршрут?

– Поедем по проспекту, – ответил Брусникин. – Так ближе.

– Что за глупость? – растерялся мэр.

Шофёр ничего не ответил, и джип, подпрыгивая на ухабах, вывернул на проспект Весенний.

Машина начальника ГИБДД, следовавшая в голове колонны до странного манёвра салона номер один, теперь оказалась замыкающей, проскочив вперёд и отстав от своих. В полном недоумении торжественная автопроцессия тряслась вслед за мэровским джипом.

– Что происходит? – спросил губернатор притихшего Михаила Александровича.

– Сам не понимаю, – удивлённо ответил мэр. – Водитель самовольно нарушил маршрут следования.

– В связи с чем?

– Пока не могу сказать.

– Надеюсь, это не похищение? – серьёзно пошутил губернатор.

– Да что вы, Павел Андреевич!.. Всё в порядке. Я разберусь.

– Ну, разберись.

Между тем мэровский джип будто нарочно собирал на своем пути все недоразумения проспекта Весеннего, вытанцовывая на его ухабах. Болтающиеся на заднем сиденье первые лица в сдержанном молчании переносили незапланированный экстрим.

Ближе к центру города автомобильное движение на Весеннем стало плотнее, так как оставшаяся в дураках служба ГИБДД караулила параллельную, идеально вылизанную и совершенно пустую улицу Дружбы.

Впереди, у светофора, зачернела печально знаменитая яма-монстр, возле которой, как обычно, совершались автоманёвры на грани фола. Высокий чёрный джип, либо не рассчитав, либо умышленно влетел в эту яму задним колесом, основательно встряхнув своих пассажиров, и остановился. Водитель заглушил мотор, и в салоне автомобиля повисла недобрая тишина.

Брусникин нашёл в себе мужество повернуться к VIP-персонам, вжавшимся в заднее сиденье, и встретиться с ними глазами. Лицо губернатора было совершенно красным, лицо мэра – зелёным.

– Извините меня, – нетвёрдым от волнения голосом заговорил водитель. – К сожалению, я не нашёл другого способа, Павел Андреевич, обратить ваше внимание на состояние дорог в нашем городе. Вот... я провёз вас по центральной улице. Что представляют собой все остальные, уже нетрудно догадаться. Правда, единственную к вашему приезду заасфальтировали – ту, по которой я должен был вас везти, но... я хотел показать вам правду, и я вам её показал... Извините ещё раз.

Губернатор взглянул на своего окаменевшего соседа и промолчал.

Между тем засевшую в яме машину мэра окружили люди в форме, экстренно перекрывшие движение по проспекту Весенний.

– Прошу вас, Павел Андреевич... – Брусникин приоткрыл дверцу машины. – Я хотел бы показать вам дыру, в которую мы угодили.

Водитель и оба пассажира из сумрака салона осторожно выбрались на свет божий.

– Вот... – указал рукой Валерий Иванович на глубоко просевшее в яму колесо. – Этой яме уже не один год. Она выбита в самом центре города, на соседней с мэрией улице. По таким дорогам стыдно ездить...

У Брусникина пересохло во рту и предательски похолодело в груди. Он вдруг не на шутку испугался своего поступка, и, глядя на угрюмо молчавшего губернатора, на полуобморочное состояние мэра, на стоявших в недоумении сотрудников служб безопасности, он сейчас искренне пожалел, что заварил такую кашу. Брусникин хотел ещё что-то сказать, но внутреннее напряжение помешало ему это сделать, и он, нервно выдохнув, промолчал.

Губернатор, понимая, что попал в невообразимо дурацкое положение, соображал, как из него выйти, не уронив соответствующего его стату-

су достоинства. И вот, подумав, Павел Андреевич снял с себя пиджак, ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

– Подержите, пожалуйста, – обратился он к одному из сотрудников в погонах.

Тот почтительно принял протянутый губернатором пиджак.

Павел Андреевич повернулся к мэру.

– Ты, Михаил Александрович, сможешь мне или будешь столбом стоять и дальше?

Пока мэр соображал, что от него требуется, губернатор попросил водителя сесть за руль. Брусникин послушно скрылся в салоне автомобиля.

Губернатор – высокий крупный мужчина, с крепкой костью и мужицкими руками. Он налёг плечом на застывший джип и крикнул шофёру:

– Давай!..

Сообразив, в чём дело, все присутствующие, как по команде, кинулись на помощь.

– Стоп! – скомандовал губернатор. – Назад!.. Всем оставаться на месте. Всем, кроме... Михаил Александрович... прошу, дорогой.

Сконфуженный мэр, поспешно скинув свой пиджак, прильнул всем телом к прохладному металлу тяжёлой машины. Он был значительно ниже губернатора ростом, но зато ничуть не уступал ему в объёмах. Павел Андреевич дал команду, и джип закачался, подчиняясь слаженным усилиям двух дюжих мужиков. Первый подход не принёс результата. Губернатор вновь категорически отказался от предложенной помощи смущённо переминавшихся сотрудников и, отдышавшись, опять вступил в борьбу с неподъёмной машиной. Первым сломался мэр города.

– Павел Андреич... – раскрасневшийся от чрезмерного рвения и бесплодных усилий, он дышал, как паровоз. – Я больше не могу... у меня давление... хондроз... спину защемило... стенокардия... не тот возраст... Павел Андреич... извините... Павел... Андреич...

– Ладно!.. – вытер мокрые виски губернатор. – Давай сюда городское начальство.

Пошатывающийся Михаил Александрович сделал жест, и к джипу подошли заместители мэра и два подполковника: полиции и безопасности дорожного движения.

– Ну что, господа... – обратился к ним губернатор. – Три-четыре?!..

На этот раз общими усилиями застывший автотокрасавец был освобождён из дорожного плена.

– Михаил Александрович... – громко окликнул губернатор мэра. – У меня к тебе огромная

63

просьба... Не в службу, а в дружбу... Уж постарайся привести в порядок свои дороги. Тем более, что деньги на это, если мне не изменяет память, были выделены.

– Павел Андреевич... – слегка заикаясь, отвечал мэр. – Капитальный ремонт дорожного покрытия планировался на это лето... Мой водитель был не в курсе... Просто пока не успели взяться... Вот и всё.

– Давай договоримся так, – продолжал губернатор во всеуслышание. – Следующий раз я заглядываю к тебе в начале октября. Приеду на машине. Сам объеду весь город. И если я найду хотя бы одну ямину... Пусть твоя администрация готовит лопаты. Они понадобятся всем... но уже кроме тебя. Надеюсь, ты понял?

– Я всё понял, – с готовностью подтвердил мэр. – Сделаем, как надо. Даю слово.

Губернатор молча кивнул головой. Разгорячённым летним теплом, физическими усилиями и, самое главное, ситуацией, руководители взяли свои пиджаки, сели в ожидающий джип и VIP-эскорт двинулся дальше.

Звёзды сложились так, что вскоре Валерий Иванович Брусникин остался без работы. В собственной семье его поступок не нашёл понимания, что ещё более усугубило чувство вины бывшего первого водителя города. Помыкавшись в поисках работы и в конце концов плюнув на всё, он занялся частным извозом.

Между тем улицы города всё лето старательно облагораживались. Могучие дорожные катки стрекотали под окнами горожан до конца сентября. Городской асфальт, включая тротуары, стал новеньким, ровным и идеально гладким. Мэр города взял под личный контроль работу дорожных служб: ездил, оценивал, критиковал, ругался, принимал. Словом, данное губернатору обещание он выполнил качественно и в срок.

И поэтому, когда в октябре районная газета объявила о старте нового проекта – конкурса «Человек года», неудивительно, что первой и единственной кандидатурой на это звание стал мэр города Михаил Александрович Юшин.

Газетная статья напоминала своим читателям об огромной работе, проделанной нынешним главой за эти годы во благо горожан, о замечательных профессиональных и личностных качествах кандидата, его требовательности, ответственности, отзывчивости, конструктивизме, а также преданности своему делу, городу и народу.

Ни одна организация не рискнула предложить против такого тяжеловеса своего кандидата, заранее обречённого на поражение, как вдруг очередной номер газеты сообщил о появлении второго претендента на соискание звания «Человек года» районного значения. Этим претендентом стал некий Валерий Иванович Брусникин. В редакцию пришло письмо в его поддержку с подписями нескольких десятков жильцов многоквартирных домов проспекта Весенний. При чем обоснования заявки на данного кандидата авторами письма не предлагалось никакого, что противоречило самому принципу выдвижения. И, вероятно, это заявление никто не принял бы всерьёз, если бы в редакцию газеты не стали ежедневно поступать письма с подписями жителей самых разных улиц города в поддержку всё того же кандидата Брусникина.

Вскоре выяснилось, что этот никому не известный гражданин является главным фигурантом в беспрецедентном за всю историю города акте благоустройства дорог. Хотя и неофициально, но всё же стали достоянием гласности все обстоятельства чрезвычайного поступка этого фигуранта. Несколько благодарных горожан организовали комитет по выдвижению народного кандидата Валерия Ивановича Брусникина на звание «Человек года». Не считаясь со временем, они ходили по квартирам и собирали подписи в его поддержку. В конечном итоге за Валерия Ивановича набралось несколько тысяч голосов. Такую внушительную цифру невозможно было не заметить или замолчать.

И в то же время признать поражение главы города в открытом честном поединке было делом неэтичным. Поэтому редакция газеты, на чьей совести лежал груз ответственности за объективное подведение итогов, нашла компромиссный вариант. Так как конкурс «Человек года» выявил сразу двух победителей, то для каждого из них была учреждена своя номинация: мэр получил «За честь и достоинство», его бывший шофёр – «За гражданское мужество»...

В заключение хотелось бы заметить, что звание, конечно, хорошо, но сыт им, практически рассуждая, не будешь. Работу Валерию Ивановичу всё равно не вернули, и человек с двумя высшими образованиями всё так же таксует по городу, как бобик. А так бы жил в тепле и сытости. Ай-ай-ай... Нет, не образование делает человека умным. Согласны?..

УЧИТЕЛЬ

Дмитрий Павлович Загвоздкин был человек простой – пьющий. Если пьянство – болезнь, то Дмитрия Павловича следовало называть «искусственно больной», так как человек доводит себя до такого состояния сам.

Алкоголезависимые люди (особенно в последней своей стадии) все на одно лицо: их трудно отличить друг от друга. И уж тем более не разглядеть, какими талантами, награждёнными при рождении, они обладали и кем могли бы стать, если бы... В том-то и дело, что «если бы»!..

Не обделённые Богом, но обокраденные собой – сколько же вами зарыто талантов в землю! Сколько пользы вы не сумели принести людям! Сколько нужных дел, хороших идей, новых изобретений и творческих замыслов осталось нерезализованными! А всё – водка, люди добрые!..

Получив общее среднее образование, симпатичный примерный мальчик Дима Загвоздкин поступил в Государственный институт культуры города К-во, на отделение духовых и эстрадных инструментов. Поступил без проблем, так как окончил музыкальную школу и чудно играл на саксофоне. Учился неплохо. Как иногородний жил в общежитии.

Студенчество – счастливая пора. Счастливая своим воздухом свободы. Здесь оторвавшимся от мамок хочется попробовать как можно больше всего и сразу. И не надо осуждать – все такими были.

Дима Загвоздкин сошёл на в общежитии не с той компанией, и она увела его не в ту сторону. Прежде всего, Дима, как всякий взрослый самостоятельный человек, научился курить. Это оказалось не таким уж сложным делом. Следующим этапом его личностного роста стало приобщение к пиву и вину. И, наконец, вершиной, апофеозом начавшейся взрослой жизни, как и для всякого юноши, явилось, конечно же, его интимное общение с девушками.

Голубоглазый мальчик Дима, для всех такой воспитанный и стеснительный, быстро вошёл во вкус триединого греха. Маму он обманывал только в том, что не курит. Ну, а обо всём остальном, что вытворял созревающий Дима, мама не догадывалась, поэтому даже и не спрашивала.

С компанией более старших ребят её сын отрывался в комнате с теми девчонками, которые сами были не прочь оторваться. Днём учились, ночами балдели, опять учились, опять балдели и так далее, и в том же духе – красота!.. Такой чудовищный режим можно выдержать, конечно,

только в молодости. Потом, когда вместе с растраченным здоровьем приходит пора мудрости, вот тогда начинаешь... Ну, до этого в ту пору, ещё ох как далеко.

Дима Загвоздкин пользовался успехом у девчонок. Своей ангельской невинной внешностью и чистым взглядом он вводил в заблуждение старших девушек, которые сами, будучи уже с опытом, искали чистоты у мальчиков. «Где ты всему этому научился? Ты ведь такой неспорченный», – спрашивали они у него в умиротворённой ночной тишине. Неиспорченный мальчик Дима смотрел в потолок своими наивными голубыми глазами, курил и молчал.

На институтских вечерах он со сцены актового зала исполнял соло на саксофоне – девчонки млели. И потом, на дискотеке, он мог подойти к любой из них... ну, или почти к любой – победа была обеспечена.

Ещё в школе Диму наставляли учителя:

– Дима, учись. Ты мальчик способный, но тебе не хватает усидчивости.

Хотя на самом деле Диме не хватало трудолюбия.

Диминой маме учителя говорили, что мальчик может учиться намного лучше, его только нужно организовать. Мама пыталась организовать Диму, но Дима был упрямым лентяем. Учился неплохо, но не перенапрягался. В студенчестве сразу же уяснил «принцип зачётки», отлично поработал на её первую страницу, и потом уже эта первая страница всю учёбу работала на него. И тоже рано понял, что между проблемами жизни и её удовольствиями надо выбирать удовольствия. Хотя бы потому, что проблемы всё равно никуда не убегут.

Ох уж эта молодость, друзья! Дима старался не отставать от своего товарища по комнате, который неумоимо блудовал по этажам родного общежития. Вместе с этим товарищем по имени Стась в одном и том же месте они подцепили то, отчего следовало уже лечиться. Болезнь хоть и не героическая, но утверждающая мужской статус. Даже не каждый взрослый мужчина в своей боевой биографии может похвастаться подобным трофеем.

Когда будущие деятели культуры Дима и Стась в плане донжуанства переросли родную общагу, им захотелось простора и свежих ощущений.

В студенческом микрорайоне города К-во рядом располагаются три института: культуры, технологический пищевой и медицинский. И учебные корпуса, и студенческие общежития в прин-

ципе на одном пяточке. Общаги чуть ли не через дорогу друг от друга.

Чего здесь думать?.. С общежития медицинского института и решено было начинать. Если Дима был просто симпатичный белокурый мальчик с наивными глазами, то Стась – красавец на загляденье: высокий, статный, темноволосый, румяный. А в таких ребят девочки влюбляются. И – внимание! – влюбляются девочки разные. И не все брошенные такими ребятами ограничиваются слезами в подушку. Обязательно найдётся обидчивая, а то и мстительная. Мстительная женщина – как энцефалитный клещ: если девятно девять этих созданий безвредны, то сотый отомстит и за себя, и за всех стряхнутых со штаннины в траву. Вот на такой женский экземпляр нечаянно и напал красивый парень Стась...

С очаровательной девушкой Аглаей они с Димой познакомились на новогодней дискотеке в актовом зале медицинского института. Впечатление произвели на Аглаю оба парня, но Стась всё же выиграл внешностью и ростом. Девушка с неземным именем Аглая в свою очередь понравилась обоим парням, но так как сама она потянулась к Стасю, то Диме пришлось смириться. И как вскоре выяснилось, Димино смирение оказалось как нельзя более ко времени и к месту, ибо Стась влетел с тихой девушкой Аглаей в очень и очень показательную историю.

Разболтанный и разбалованный Стась не придавал никакого значения тому, что чувствительная Аглая за недолгий период их общения насмерть влюбилась в него. Это, разумеется, льстило его мужскому самолюбию, но, как и всякому подлому изменщику, не помешало сказать Аглае «прощай», когда для этого пришла минута. Аглая не заплакала и не зарыдала, она просто широко раскрыла глаза и дико побледнела.

Через неделю, когда Стась уже забылся с девушкой Светой, Аглая выловила его возле общаги института культуры, предложив встретиться на её территории и в последний раз – так сказать, прощальный вечер при свечах. Она была так трогательна и мила, так убедительна в своей невинной просьбе, что красавчик Стась решил: всего одна ночь в другой постели будет не изменой подруге Свете, а просто прощанием с подругой Аглаей. Свете Стась сказал, что идёт с друзьями в пивбар – поднимать уровень тестостерона, а сам тихо зарулил в девятиэтажку общежития медицинского института.

Аглая была в комнате одна – красивая, нежная с загадочным блеском в глазах. Когда главное и бурное произошло, она усадила бывшего

возлюбленного от накрытый стол и налила вина. Стась выпил за её будущее счастье, сказав ей: «Спасибо за всё». Когда он тут же, за столом, отключился и заснул, хрупкая Аглая вмиг преобразилась: найдя в себе силы, она взвалила на себя восьмидесятикилограммового лося и перенесла его на смятую постель. Снова раздела его. Постояла, подумала. Достала из тумбочки шприцы, ампулы, баночку со спиртом, медицинские инструменты, бинты, вату и провела небольшую хирургическую операцию, после которой блудливый Станислав навсегда лишился способности полноценно общаться с женщинами.

Этот случай имел большой резонанс в городе К-во. Потом ещё долгое время городские парни при знакомстве с девушками спрашивали, где эти девушки учатся, и если выяснялось, что в медицинском институте, то парни тут же говорили «до свиданья».

Дима, после такой беды с другом Стасем, не будучи верующим человеком, посетил церковь и поставил свечку за то, что в своё время Аглая выбрала не его. Этот из ряда вон выходящий случай заставил Дмитрия Загвоздкина впервые в жизни задуматься о взаимосвязи сегодняшних поступков и завтрашних последствий. Молодому человеку оставалось только сделать выводы...

66

По окончании института культуры выпускника эстрадного отделения Дмитрия Загвоздкина пригласили в эстрадный оркестр при К-ой филармонии. Здесь он познакомился с молодой администраторшей Ларисой, на которой вскоре и женился. Родился сын, которого назвали Артёмом.

Некоторое время обычная биография гражданина Загвоздкина не выходила за среднестатистические рамки: работа – семья, семья – работа. Ездил на гастроли с оркестром. Продолжал подрабатывать в ресторане. Попивал, как все, погуливал, как все, получал от жены, как все.

В 90-х, когда посыпалось всё, что казалось незыблемым, Дмитрий стал лихорадочно искать случая заработать на стороне. Это не грех, и этого хочется всегда и всем, разве не так?..

И вот однажды хороший приятель попросил Диму на предстоящих гастролях в другом городе купить для него на рынке дорогую вещь и расплатиться за неё крупными новенькими купюрами. Дима согласился. Купил. Расплатился. Вернулся. Приятель отстегнул ему хороший процент. Диме понравилось. В свободное время он стал теперь специально выезжать в другие города и покупать там хорошие вещи, расплачиваясь новенькой денежкой приятеля. Вот только названия городов в его поездках никогда не повторялись.

Налаженный бизнес длился какое-то время. Дима наконец зажил как человек. Прибарахлил жену, одел жену, купил машину. В отличие от своих нищих коллег-оркестрантов отвоевал у жизни право на дорогой вкус. Коллеги завидовали Диминому уменью крутиться, так как сами умели только гундеть, пиликать и занимать деньги.

Но, увы, жизнь устроена так, что за всё хорошее в ней рано или поздно приходится платить, а то и расплачиваться. Накрыли бизнес приятеля и, соответственно, его курьера – Димы.

На суде Дмитрий искренне возмущался и доказывал, что понятия не имел о том, что деньги были фальшивыми, что он только из дружеского расположения выполнял просьбы своего доброго товарища. Дмитрию Павловичу Загвоздкину не поверили и заперли его на несколько лет.

После отсидки Дима вернулся другим человеком: вспыльчивым, нетерпимым и пьющим без меры. В филармонию его уже не взяли, в ресторанных ансамблях все места были заняты молодыми и хваткими. Стал калымить по мелочёвке и поднимать руку на жену.

Лариса по-прежнему работала в филармонии, теперь уже заместителем директора. Жизнь с пьющим и отсидевшим мужем, конечно, не сахар, но менять что-то в своей судьбе она пока не решалась. Содержание и воспитание сына стало теперь исключительно её проблемой, впрочем, так же, как и зарабатывание денег на жизнь. Муж в семью отдавал мало, иногда не отдавал вообще ничего, приходил только переночевать, да и то не всегда.

Родители Ларисы советовали ей бросить своего дурака, пока тот не убил её и не покалечил психику сына.

Лариса несколько раз заговаривала с Дмитрием о разводе. Когда он был пьян, то кричал и ругался, трезвым же падал ей в ноги, плакал и просил не уходить. Настрадавшаяся Лариса всё же была истинно русской женщиной – великодушной, прощающей – и не могла бросить в беде близкого человека. Она продолжала с ним жить, мучаясь и страдая. Пыталась лечить мужа, сдавала в наркологию, несколько раз «откапывала», но результата это не принесло. Дмитрий Павлович был слабым человеком и поделаться с собой ничего не мог.

Родственники Ларисы качали головами и предупреждали: глядя на такой пример родителей, что станется с Артёмом? Ведь всякий сын следует дорогой отца, учитель жизни для ребёнка есть пример родителей. Половина генетики сына – отцовская, а такое семя в этих условиях даст какие всходы?

Но Артём, мальчик внешне очень похожий на папу, учился хорошо и дурных наклонностей пока не проявлял.

Несколько раз Лариса с сыном уходила ночевать к родителям, когда Митяй, в которого уже окончательно превратился Дмитрий Павлович, устраивал пьяные дебоши дома. Работать он уже не работал, как алкоголика, его надолго нигде не хватало, жил на тарелку супа жены, без конца обещая взяться за ум и заколотить большие бабки. Нигде не работая, где-то пропадал, где – неизвестно.

Попался на наркотиках и загремел за пространство.

Вышел через четыре года. Постарел, лишился зубов. В свои сорок шесть выглядел на двадцать лет старше – несправедная жизнь не способствует здоровью души и тела. Если в молодости с него можно было писать портрет ангела, то теперь он тянул только на чёрта.

Однажды вернулся домой и долго сидел на кровати, о чём-то думая. Потом исчез на несколько дней. Потом пришёл, собрал вещи в тощую сумку, попрощался с женой и сыном, попросил прощения за всё и ушёл к другой женщине. Эта другая женщина жила в частном секторе, в полуразвалившейся халупе и вела образ жизни, близкий и понятный самому Митяю. Митяй протянул там недолго. Здоровье, данное ему родителями и Господом Богом, в конце концов истощилось, и несчастный Митяй, бывший Дмитрий Павлович Загвоздкин, бесславно скончался от цирроза печени.

Лариса не плакала ни из-за ухода мужа, ни из-за его последующей кончины. Воспитав и выучив сына, она с ужасом ожидала того момента, когда плевелы, посеянные её мужем в их общем ребёнке, прорастут и дадут дурные всходы. Но время шло, а ничего такого не происходило. Артём поступил в университет, отлично его окончил, остался на кафедре, защитил кандидатскую, затем докторскую, стал уважаемым человеком в городе. Вырастил троих детей, дал каждому ума и образования, всю жизнь прожил с одной женой, никогда не пил и не обнаруживал дурных склонностей.

Однажды на одной из областных телевизионных программ, в которой принимал участие и профессор Артём Дмитриевич Загвоздкин, участникам передачи был задан такой вопрос: «Кто из великих или не очень великих людей послужил для вас примером в жизни? Кого вы можете назвать своим учителем?», когда очередь дошла до профессора Загвоздкина, он ответил так:

– Самым главным учителем жизни был для меня мой отец.